

моделей поведения и их зависимость от личностно-индивидуальных особенностей субъекта и общепринятых установок социума.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта "Семейно-правовые акты дворян Москвы XVIII века" (№ 11-01-00011а).

2 Особенности изучения отечественной и зарубежной историографией российской дореволюционной семьи ранее были подробно освещены автором в статье: *Прокофьева А.Ю.* Российская семья XVIII-XIX вв.: анализ историографии // *Российская история.* 2011. №4. (в печати)

3 См.: Там же.

4 РГАДА Ф.282. Оп.1.Ч.3.Д.11255.

5 Там же. Л.1-1 об.

6 Там же. Л.32 об.

7 Там же. Л.1.

8 Там же. Л.83-84.

9 Там же. Л.32 об.

10 Там же. Л.2.

Н.А. Четырина

Практика защиты имущества в купеческой семье в конце XVIII – начале XIX в. (на примере завещаний Д.С.Тарбинского)

Проблема имущественных отношений в семье изучалась на весьма разнообразных источниках и применительно к разным сословным слоям. Как известно, в купеческой среде семейно-имущественные отношения имели исключительное значение, т.к. условия существования самой семьи были связаны с накоплением и функционированием капитала. Поводом для написания этой статьи послужило обнаруженное в фонде ратуши Сергиевского посада «Дело о разделе капитала купца Тарбинского Д.С. между наследниками» (1811-1815 гг.)¹.

Несколько слов о самом Дмитрие Семенове сыне Тарбинском. Это был один из видных представителей купечества Сергиевского посада. Он записался в это сословие из бобыльского звания с самого открытия посада в 1782 г. и находился в составе купечества без перерывов, постоянно с детьми и внуками в одном капитале.

Размер объявленного капитала менялся в зависимости от повышения имущественного ценза. К 1809 г. Д.С.Тарбинский объявил его в размере 8005 руб. Члены семьи Тарбинских занимались торговлей, в том числе иногородней, содержанием постоянного двора, были причастны к организации кукольного промысла, имели шелковую фабрику и кирпичный завод, осуществляли разовые поставки товаров Троице-Сергиевой лавре. В конце XVIII века Д.С.Тарбинский несколько раз избирался на важные и почетные должности в системе местного самоуправления (в 1782-1785 гг. – ратман, в 1795-1797 гг. – бургомистр ратуши). Умер в 1810 г.²

Наследницами Д.С.Тарбинского оказались жены его сыновей Афанасия и Петра – Василиса Андреева и Матрена Емельянова. Решение разделить имущество между снохами созрело у Д.С.Тарбинского к 1803 году, именно в этом году были написаны две духовные, но прошло еще 2 года до их юридического оформления – явки в Дмитровском уездном суде с соблюдением всех обязательных процедурных моментов. В настоящее время купеческие духовные привлекают к себе внимание исследователей. Одной из наиболее ярких работ является публикация Н.В.Козловой. В ней приводятся тексты 197 духовных, во введении дается археографическая и источниковедческая характеристика документов. Купеческие жены нередко воспринимались завещателями (мужьями) наиболее заинтересованными и способными к сохранению капитала при отсутствии или малолетстве сыновей³. Но, и в этой книге нет аналога нашему случаю.

Купец Д.С.Тарбинский разделил свое имущество приблизительно на две равные части, как в наследуемом недвижимом имении, так и в долгах. Каждой из снох он завещал по деревянному дому на равных участках земли. Кроме этого, они получили по деревянной лавке на Красногорском рынке и по хозяйственной промысловой постройке: в одном случае – кирпичный завод, в другом – большой амбар в одном и том же Введенском приходе. Приблизительно равны и размеры оставленных завещателем

долгов. При этом, Василисе Андреевой остаются еще и долги, сделанные ее сыном Степаном в Москве по верующему письму, видимо, при наборе товаров. Вероятно, это те самые товары, которые находились в наследуемой ею же лавке. То есть, товары и этот долг взаимно погашают друг друга. Отметим еще один факт. В копии духовной на имя Василисы Андреевой на полях имеется еще приписка другим почерком: "все строение деревянное, еще светлица мастерская состоит в приходе Ведения Богородицы в слободе называемой Волкушею"⁴. С учетом этой приписки имущество, завещанное Василисе Андреевой, становится ощутимо значимей, но, возможно, это объясняется активным участием в торговой деятельности и, соответственно, личным трудовым вкладом в общее семейное дело ее сына Степана.

Завещатель в духовных тщательно подчеркивает, что все перечисленное – благоприобретенное имение. В качестве свидетелей выступили: духовный отец завещателя священник церкви Вознесения Василий Никитин, купец Сергиевского посада Иван Егоров сын Ерофеев и дмитровский купец Василий Иванов сын Лошкин⁵. Здесь уместно заметить, что Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. предоставили право каждому вольно распоряжаться (дарить, завещать, отдавать в приданое) *благоприобретенное* имение, допуская распоряжение *наследственной* собственностью «не иначе как законами предписано»⁶. Именно идентификация имущества как благоприобретенного давала право Дмитрию Семеновичу завещать его по собственной воле в обход прямых наследников – сыновей Петра и Афанасия.

Совершенно ясно, что у купца Тарбинского были свои серьезные причины сделать подобный экстравагантный шаг. Все они – отец, сыновья и внук состояли в одном капитале. Афанасий и Петр самостоятельно, без позволения родителя вели свои коммерческие операции, использовали денежный и товарный кредит. В 1796 г. братья Тарбинские попали в ситуацию чудовищного банкротства – с них по 8 вексям взыскивалась

астрономическая для Сергиевского посада сумма в 15429 руб. 41 коп. Весной 1791 г. у них утонула барка с товаром (хлебом) на реке Нерль. К тому же они пытались организовать в посаде шелковую фабрику, сырье для которой на сумму 1236 руб. пришлось взять под вексель. Первоначально отец оказывал материальную поддержку предприятию детей и вложил в него 6000 руб. Но увидев, что производство не приносит ожидаемой прибыли, возможно, даже не окупает сделанных затрат, он перестал участвовать в финансировании и не давал детям своего официального письменного разрешения на ведение этого рискованного с финансовой точки зрения, производства. Сами Афанасий и Петр Тарбинские обещали выплачивать образовавшийся долг частями из зарабатываемых ими денег по 100 руб. в год каждый. Со временем отцу и сыновьям удалось совместными усилиями разрешить сложную финансовую проблему.

Скорее всего, на склоне лет Д.С.Тарбинский задумывался о том, каким образом передать наследникам накопленный капитал и недвижимое имущество, но так, чтобы они не ушли на уплату долгов сыновей, склонных к ведению рискованных коммерческих предприятий. Специфика имущественных отношений в семье в XVIII веке заключалась в том, что единого понятия семейной собственности не существовало, законодательство определяло отдельную собственность супругов. Имущество жены находилось в ее полной собственности. Закон запрещал мужу осуществлять какие бы то ни было действия с собственным имением жены без ее ведома, согласия или совокупного в актах подписания⁷. Уставом о банкротах 1800 г. запрещалось привлекать имущество купеческих жен к уплате долгов мужей⁸.

Таким образом, в законодательстве обнаружилась лазейка, позволяющая сохранить капитал при передаче его наследникам. Утверждение в духовных благоприобретенного статуса имущества создавало правовую возможность распоряжения им в обход прямых наследников. Передавая имущество снохам, Дмитрий Семенович

обеспечивал его сохранность в семье, вернее, в семьях своих сыновей, но делал его недостижимым для взыскания по вексельным искам к Афанасию и Петру. Становится понятно, что завещание Д.С.Тарбинского – это не самодурство, а остроумное решение сложной проблемы, тонкий и дальновидный шаг знатока семейно-имущественного права, сумевшего вывести из под удара накопленную недвижимость.

---

¹ ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 403.

² Там же. Л. 10; *Четырина Н.А.* Сергиевский посад и кукольный промысел в конце XVIII века // Отечественная история. 2003. № 4. С. 174; *Ее же.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М., 2006. С. 78, 178, 205, 219-220, 223.

³ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В.Козловой. М., 2002. С. 5-38.

⁴ ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 403. Л. 13-14.

⁵ Там же.

⁶ ПСЗ. Т. XII. № 16187. Ст. 22; № 16188. Ст. 22.

⁷ ПСЗ. Т. II. № 650, 707, 803, 814; *Козлова Н.В.* Имущественное право и положение женщины в купеческой семье Москвы XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI-XVIII вв.). Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17-20 мая 2000 г.). Сб. статей. М., 2003. С. 263, 267.

⁸ ПСЗ. Т. XXVI. № 19692. Гл.1. Отд. II. Ст. 43.

В.Б. Безгин

Нормы обычного права и гендерные роли в семейной повседневности русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX века)¹

Жизненные практики крестьянской семьи определялись исторически сложившимися традициями русского села. В повседневности патриархальной семьи нашли свое отражение бытовавшие нормы обычного права, а гендерные роли ее членов определяли их обыденные взаимоотношения.

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье